

Дзен в искусстве написания книг

Автор:

Рэй Брэдбери

Дзен в искусстве написания книг

Рэй Дуглас Брэдбери

Интеллектуальный бестселлер Писатель как профессия

«Каждое утро я вскакиваю с постели и наступаю на мину. Эта мина – я сам», – пишет Рэй Брэдбери, и это, пожалуй, и есть квинтэссенция книги. Великий Брэдбери, чьи книги стали классикой при жизни автора, пытается разобраться в себе, в природе писательского творчества. Как рождается сюжет? Как появляется замысел? И вообще – в какой момент человек понимает, что писать книги – и есть его предназначение? Но это отнюдь не скучные и пафосные заметки мэтра. У Брэдбери замечательное чувство юмора, он смотрит на мир глазами не только всепонимающего, умудренного опытом, но и ироничного человека. Так, одна из глав книги называется «Как удерживать и кормить Музу». Кстати, ответ на этот вопрос есть в книге, и он прост – чтобы удерживать Музу, надо жить с увлечением и любить жизнь, прислушиваться к ней и к самому себе.

Рэй Брэдбери

Дзен в искусстве написания книг

Лучшему из моих учителей, Дженнет Джонсон, с любовью

© Покидаева Т., перевод на русский язык, 2014

© Качалкина Ю., перевод стихотворений, 2014

© Издание на русском языке, оформление. ООО ISBN 978-5-699-76042-8
«Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

В «Дзене в искусстве написания книг» Брэдбери признается в любви к своему ремеслу.

Los Angeles Times

Брэдбери заряжает любовью к жизни, драйвом и радостью.

Kirkus Reviews

Если вы любите творчество Рэя Брэбери и ищете, откуда черпать вдохновение, эта книга для вас.

Library journal

Как забраться на древо жизни, кидаться камнями в себя самого и спуститься на землю, не сломав себе шею и не сломив дух. Предисловие с названием, немногим длинней самой книги

Иногда я поражаюсь способности девятилетнего себя видеть ловушки и не попадаться.

Как могло получиться, что мальчишка-четвероклассник, которым я был в октябре 1929-го, из-за насмешек школьных друзей разорвал свои комиксы с Баком Роджерсом, а через месяц рассудил, что все его друзья – идиоты, и начал опять собирать коллекцию?

Откуда взялась эта сила и рассудительность? Какие из моих тогдашних переживаний пробудили способность сказать: я словно мертвый. Кто меня убивает? От чего я страдаю? Чем это лечится?

Нет сомнений – я смог ответить на эти вопросы. Я выявил болезнь: собственноручно разорванные комиксы. Я нашел лекарство: снова начать собирать коллекцию, несмотря ни на что.

Я так сделал. И выздоровел.

И тем не менее... В таком возрасте? Когда нам привычнее прогибаться под давлением сверстников?

Где я взял смелость сопротивляться, изменить свою жизнь, перестать быть как все?

Не хотелось бы все это преувеличивать, но мне, черт возьми, нравится этот девятилетний мальчишка, кем бы он ни был. Без него я бы не выжил и не писал бы сейчас предисловие к этой книге.

Конечно, отчасти все объясняется моей безумной влюбленностью в Бака Роджерса. Меня убивала сама мысль о том, что мой герой – моя любовь, моя жизнь – уничтожен. Это как если бы твой лучший друг, твой закадычный приятель, центр всей твоей жизни, вдруг утонул или его застрелили бы из ружья. Погибших друзей не спасешь от могилы. Но я догадался: у Бака Роджерса

может быть вторая жизнь, если я так захочу. И я сделал ему искусственное дыхание, и – смотрите! – он сел и сказал: «Знаешь, что? Кричи. Прыгай. Играй. Сделай этих сукиных сынков. Они никогда не сумеют жить так, как ты. Давай. Вперед».

Только собачьих детей я, само собой, не упоминал. Такого не разрешалось.

– Черт! – вот самое большое, что я себе позволял в смысле крепости выражений. Живи!

И я собирал комиксы, и влюблялся в бродячие цирки и Всемирные выставки, и начал писать. И чему же, вы спросите, учит писательство?

Во-первых, оно напоминает о том, что мы живы, что жизнь – привилегия и подарок, а вовсе не право. Если нас одарили жизнью, надо ее отслужить. Жизнь требует что-то взамен, потому что дала нам великое благо – одушевленность.

И пусть искусство не может, как бы нам этого ни хотелось, спасти нас от войн и лишений, зависти, жадности, старости или смерти, оно может хотя бы придать нам сил.

Во-вторых, писательство – это вопрос выживания. Как, разумеется, и любое искусство, любая хорошо сделанная работа.

Для многих из нас не писать – все равно что умереть.

Каждый день мы берем в руки оружие, скорее всего, заведомо зная, что битву не выиграть до конца, но все равно надо сражаться, пусть в меру сил, но надо. Даже стремление победить в каком-то смысле уже означает победу под конец каждого дня. Вспомним того пианиста, который сказал: «Если я не репетирую один день – это услышу я сам. Если не репетирую два дня подряд – это услышат критики. На третий день – это услышит весь зал».

То же самое верно и для писателей. Конечно, за несколько дней простоя твой стиль, каким бы он ни был, форму не потеряет.

Но вот что случится: мир догонит тебя и попытается одолеть. Если не будешь писать каждый день, яд постепенно накопится, и ты начнешь умирать, или безумствовать, или и то и другое.

Нужно опьяняться и насыщаться творчеством, и реальность не сможет тебя уничтожить.

Потому что писательство дает столько правды жизни в правильных дозах, сколько ты в состоянии съесть, выпить и переварить без того, чтобы потом судорожно ловить воздух ртом и биться, как умирающая рыбешка.

За время разъездов я понял, что если не пишу один день, мне становится не по себе. Два дня – и меня начинает трясти. Три – и я близок к безумию. Четыре – и меня корежит, как свинью при поносе. Один час за пишущей машинкой бодрит мгновенно. Я на ногах. Бегаю кругами, как заведенный, и громко требую чистые носки.

О чем и пойдет речь в этой книге. Так или иначе.

Каждое утро принимайте щепотку мышьяка, чтобы дожить до заката. На закате – еще щепотку, чтобы продержаться до следующего рассвета.

Микродозы мышьяка, проглоченные сейчас, готовят к тому, чтобы не отравиться потом.

Работа в гуще жизни и есть та самая дозировка. Чтобы управляться с жизнью, бросайте вверх разноцветные шары, пусть они перемешаются с темными, пусть смеси красок создадут вариации правды. Мы приникаем к прекрасным и благородным явлениям жизни, чтобы примириться с ужасами и бедой, поражающими нас напрямую, через родных и друзей, или же через газеты и телевидение.

Отрицать ужасы невозможно. У кого из нас не было друга, умершего от рака? У кого в семье не было случая смерти или увечья в автокатастрофе? Я не знаю таких людей.

В моем собственном близком кругу автомобильные аварии унесли тетю, дядю, двоюродного брата и шестерых друзей. Список бесконечен и угнетает, если не сопротивляться творчеством.

Это значит – писательство исцеляет. Безусловно, не полностью. Ты никогда до конца не сможешь оправиться после тяжелой болезни родителей или смерти любимого человека.

Я не хочу использовать слово «терапия», слишком холодное, слишком стерильное слово. Я вот что скажу: когда смерть останавливает других, ты должен взбежать на трамплин и нырнуть головой вперед в пишущую машинку.

Художники и поэты иных времен, давно ушедших времен, хорошо знали все, о чем я сейчас говорю и о чем написал в нижеследующих эссе. Аристотель уж сколько веков говорит то же самое. А вы давно слушали Аристотеля?

Эти эссе я писал в разное время, на протяжении тридцати с лишним лет, чтобы рассказать о конкретных открытиях и решить конкретные задачи. Но в них во всех звучит эхо все той же правды – правды взрывного самообнаружения и непрерывного изумления тому, что скрывают глубины твоего собственного колодца, если туда хотя бы просто заглянуть или крикнуть.

Прямо сейчас, когда я работаю над предисловием, пришло письмо от одного молодого неизвестного автора. Он пишет, что собирается жить под девизом, взятым из моего «Конвектора Тойнби».

«...обманываешь себя и стараешься, чтобы обман стал правдой... в итоге, все вокруг – обещание... то, что кажется ложью, есть приостановленная необходимость, ждущая своего часа...»

А теперь:

Давеча я придумал другое сравнение для описания себя самого. Оно может стать вашим.

Каждое утро я вскакиваю с постели и наступаю на мину. Эта мина – я сам.

После взрыва я целый день собираю себя по кусочкам.

Теперь ваша очередь. Вставайте!

Радость писательства

«Пыл». «Упоение». Как редко мы слышим эти слова. Как редко встречаем кого-то, кто с этим живет или даже творит. И все-таки, если бы меня попросили назвать самую важную составляющую в арсенале писателя, силу, которая придает материалу именно такую, а не другую форму, и уносит его туда, где ему хочется оказаться, я бы ответил так: его драйв, его упоение своим делом.

У вас есть свой список любимых писателей; у меня есть свой. Диккенс, Твен, Вулф, Пикок, Шоу, Мольер, Джонсон, Уичерли, Сэм Джонсон. Поэты: Джерард Мэнли Хопкинс, Дилан Томас, Поуп. Художники: Эль Греко, Тинторетто. Композиторы: Моцарт, Гайдн, Равель, Иоганн Штраус (!). Задумайтесь об этих именах, и вы задумаетесь о великих и мелких, но все равно важных страстях, аппетитах, стремлениях. Задумайтесь о Шекспире и Мелвилле, и вам придет на ум гром, молния, ветер. Все эти люди знали радость творческого труда в формах крупных и малых, на холстах гигантских и тесных. Дети богов, они знали, что такое радость творчества. И неважно, что не всегда получалось легко; неважно, какими болезнями и бедами страдала их скрытая от всех частная жизнь. Важно лишь то, что осталось в творениях их рук и умов, в произведениях, переполненных до краев животной энергией и интеллектуальной мощью. Даже ненависть и отчаяние они умели выразить через любовь.

Посмотрите на удлинения Эль Греко и скажите мне, если сможете, что он не находил удовольствия в своей работе. Неужели вы и вправду станете утверждать, что свое «Сотворение животных» Тинторетто писал не ради упоительного наслаждения в самом широком и всеобъемлющем смысле слова? Лучший джаз говорит: «Буду жить вечно; не верю в смерть». Лучшая из скульптур, голова Нефертити, повторяет вновь и вновь: «Красота была, есть и пребудет навечно». Каждый из названных мной людей схватил капельку ртутной текучести жизни, заморозил ее на века, а затем в восторге творческого упоения обернулся к своему творению, указал на него и воскликнул: «Разве это не хорошо?!» И это было хорошо.

Но при чем тут сочинение рассказов в наши дни?

А вот при чем: если вы пишете без упоения, без пыла, без любви, без радости, вы только наполовину писатель. Это значит, вы постоянно коситесь одним глазом либо в сторону коммерческого рынка, либо в сторону авангардной тусовки, и перестаете быть собой. Вы себя даже не знаете. Потому что писатель обязан быть прежде всего одержимым. Его должно лихорадить от жара и восторга.

Без этого горения ему лучше заняться чем-то другим – собирать персики, рыть каналы; видит Бог, это будет полезнее для здоровья.

Как давно вы сочинили рассказ, в котором ваша истинная любовь или истинная ненависть, так или иначе, вылилась на бумагу? Когда вы в последний раз отважились высвободить свое нежно любимое пристрастное мнение, чтобы оно било в страницу, как молния? Что у вас в жизни – самое лучшее, а что – самое худшее, и когда вы уже удосужитесь поведать об этом миру, шепотом или во весь голос?

Разве было бы не чудесно, например, отшвырнуть в сердцах номер «Harper's Bazaar», который вы случайно пролистали в приемной дантиста, рвануться к пишущей машинке и излить свое бешенство и возмущение, громя в пух и прах их дурацкий, а иногда и шокирующий снобизм? Когда-то я так и сделал. Мне попался один номер, где фотографии из «Bazaar», с их извращенными представлениями о равенстве, вновь задействовали жителей пуэрториканских трущоб в качестве декораций, на фоне которых их худосочные, словно недоедающие модельки принимали картинные позы для еще более истощенных полуженщин из лучших салонов страны. Эти фотографии так меня разозлили, что я побежал – не пошел – к своей пишущей машинке и написал «Солнце и тень», рассказ о старом пуэрториканце, который испортил день съемок фотографу из «Bazaar», влезая в каждый кадр и спуская штаны.

Думаю, некоторые из вас были бы не прочь сделать то же самое. Я же здорово повеселился, испытал очищающее воздействие смеха, и то придушенно гоготал, то неудержимо ржал. Возможно, редакторы «Bazaar» даже не видели этот рассказ. Но читатели видели и кричали: «Давай, «Bazaar», давай, Брэдбери!» Я не утверждаю, что победил. Но когда снял перчатки – на них была кровь.

Когда вы в последний раз написали рассказ вот так – только от возмущения?

Когда вас в последний раз останавливала на улице полиция, потому что вам нравится гулять и, может быть, думать по ночам? Со мной это случилось так часто, что я разозлился и написал «Пешехода» – рассказ о будущем на пятьдесят лет вперед, когда человека арестовали и отвезли на психиатрическое обследование лишь потому, что он упорствовал в желании смотреть на нетелевизорную реальность и дышать некондиционерным воздухом.

Но довольно о злости и раздражении. А как же любовь? Что вы любите больше всего на свете? И в большом, и в малом, я имею в виду. Трамвай, пару теннисных туфель? В детстве для нас эти вещи исполнены волшебства. В прошлом году я опубликовал рассказ о мальчишке и его последней поездке в трамвае, где прохладно-зеленые, мшисто-бархатные сиденья и искрящееся электричество, где пахнет всеми отгремевшими грозами одновременно; но он обречен уступить место более практичному, с более прозаичными запахами автобусу. Еще рассказ – о мальчишке, мечтавшем о новых теннисных туфлях, в которых ему будет по силам перепрыгивать через реки, дома и улицы, и даже через кусты, тротуары, собак. Для него эти туфли – стремительный бег антилоп и газелей по африканскому вельду. Энергия бурливых рек и бушующих гроз сокрыта в этих туфлях; они ему необходимы, они нужны ему больше всего на свете.

Итак, вот мой очень простой рецепт.

Чего вам хочется больше всего на свете? Что вы любите, что ненавидите?

Придумайте персонажа, похожего на себя, который будет всем сердцем чего-то хотеть или же не хотеть. Прикажите ему: беги. Дайте отмашку на старт. А потом мчитесь следом за ним со всех ног. Персонаж, следуя своей великой любви или ненависти, сам приведет, примчит вас к финалу рассказа. Жар его страстей – а в ненависти жара не меньше, чем в любви – озарит ландшафт и раскалит вашу пишущую машинку.

Все это адресовано прежде всего писателям, которые уже выучились своему ремеслу; то есть овладели грамматикой и накопили достаточно литературных знаний, чтобы не спотыкаться на бегу. Однако этот совет пригодится и для начинающих, хотя их шаги могут сбиваться по чисто техническим причинам. Но зачастую и тут выручает страсть.

Значит, история каждого рассказа должна читаться почти как прогноз погоды: сегодня жарко, завтра прохладно. Сегодня сожги дом дотла. Завтра вылей холодную воду критики на тлеющие угольки. Завтра будет достаточно времени, чтобы подумать, внести исправления, переписать. Но сегодня воспламеняйся – взрывайся – разлетайся на части! Следующие шесть или семь черновиков будут настоящей пыткой. Так почему бы не получить удовольствие от первого наброска, в надежде, что твой жар разыщет кого-то еще в этом мире, кто, прочитав твой рассказ, тоже вспыхнет?

Не обязательно, чтобы это был большой костер. Достаточно маленького огонька, может быть, света свечи; жажды механического чуда, вроде трамвая, или животного чуда, вроде пары теннисных туфель, скачущих кроликами по лужайкам с утра пораньше. Ищите маленькие любви и крошечные горести, находите их и заключайте в слова. Пробуйте их на вкус, дайте их попробовать листу бумаги. Когда вы в последний раз брали в руки томик стихов или находили время вечером прочесть пару эссе? Вы хоть однажды читали выпуск «Герiatrics», официального бюллетеня Американского гериатрического общества, журнала, посвященного «изучению и клиническому исследованию старческих болезней и процессов, связанных со старением»? Вы читали или хотя бы видели журнал «What's New», выпускаемый Лабораторией Эббота в Северном Чикаго и содержащий статьи, вроде «Применение тубокурарина при кесаревом сечении» или «Использование фенурона в лечении эпилепсии», и тут же – стихи Уильяма Карлоса Уильямса и Арчибальда Маклиша, рассказы Клифтона Федимана и Лео Ростена; в иллюстрациях Джона Грота, Эрона Борода, Уильяма Шарпа, Расселла Коулса? Абсурд? Может быть. Но идеи лежат повсюду, словно яблоки-паданцы, сгнивающие в траве, потому что не хватает прохожих с зорким глазом и вкусом к красоте, будь она хоть абсурдна, хоть пугающа, хоть благолепна.

Джерард Мэнли Хопкинс пишет так:

Славен наш Господь за то, что придумал

пятнистые вещи.

Чего стоят, например, небеса, бело-голубые

в облачную погоду, —

словно шкура волшебной коровы?

А розовые родинки на блестящей шкурке

форели, играющей над волной?

Осыпающийся белыми лепестками —

словно горящий костер искрами —

цветущий каштан. Крылья зяблика.

Сама земля – с высоты птичьего полета,

расчерченная плугом под пашни.

Все Им продумано до малейшей детали, —

до веснушки на твоём лице (а кто знает, как

появляются они? откуда?)

Все исчислимые вещи мира – неповторимые

и одинаковые. Станные.

Быстрые и медленные одновременно. Кислые

и сладкие. Яркие и тусклые.

... красота Его – в непостоянстве,

Слава Ему!

Томас Вулф глотал человечество и извергал лаву. Диккенс ежечасно обедал за новым столом. Мольер, вкусив мира, тянулся за скальпелем, так же делали Поуп и Шоу. Куда ни глянь, на просторах литературного космоса великие только и делают, что любят и ненавидят. В своих сочинениях вы отказались от этих вечных ценностей, считая их старомодными? Значит, вы сами лишили себя наслаждения. Наслаждения яростью и разочарованием, наслаждения любить и быть любимым, увлекаться и увлекать других в этот пляшущий маскарад, влекущий нас от колыбели до могилы. Жизнь коротка, страдания неизбывны, смерть неотвратима. Но почему бы, отправляясь в путь, не взять с собой два надутых свиных пузыря с надписями «Пыл» и «Упоение». Шагая с ними к могиле, я намерен еще надрать задницы парочке простофиль, потрепать по волосам хорошенькую девчонку и помахать мальчишке, взобравшемуся на ветку хурмы.

Если кто хочет присоединиться, в армии Кокси[1 - Марш протеста безработных под предводительством Якоба Кокси. 30 апреля 1894 г.] всем хватит места.

1973

Беги быстрее, стоишь – замри, или Чудище на чердаке, или Новые призраки старого разума

Беги быстрее, стоишь – замри. Вот урок ящериц. Всем писателям. Посмотрите почти на любое живое создание, и вы увидите то же самое. Прыгай, беги, замирай. Только из-за этой способности взвиваться в мгновение ока, срывать резко, как удар хлыста, в один миг – еще быть, а в другой уже исчезнуть – жизнь изобилует на земле. А когда жизнь не бежит, чтобы спастись, она замирает – с той же целью. Смотрите, колибри! А вот ее уже нет. Как мысль – промелькнет и исчезнет, так же и летняя дымка; прочистка космической глотки, падающий лист. Там, где он только что был, – только шепот.

Чему писатель может научиться у ящериц, у птиц? Тому, что в скорости – истина. Чем быстрее ты изливаешь слова, чем стремительней пишешь, тем ты честнее. В замирании – мысль. Это время для того, чтобы отточить стиль, пока не гонишься за правдой – единственный стиль, который стоит того, чтобы падать замертво или ставить капканы на тигров.

А что в перерывах между стремительными забегами? Будь хамелеоном, переходи из одного оттенка в другой, меняйся вместе со своим окружением. Будь камнем, лежи в придорожной пыли, спрячься в бочке с дождевой водой – в той, давней бочке под водосточной трубой, во дворе, возле дедушкиного окна. Будь вином из одуванчиков в бутылках из-под кетчупа с этикетками, подписанными от руки: Июньское утро, первый день лета 1923-го. Лето 1926-го, ночь фейерверков. 1927-й: Последний день лета. ПОСЛЕДНИЕ ОДУВАНЧИКИ, 1 октября.

И из всего этого выйдет твой первый писательский успех. Рассказ, который опубликуют в «Weird Tales» и заплатят тебе 20 долларов.

С чего начинается этот почти новый вид литературы, который и впрямь пробирает читателя до костей?

Обычно ты набредаешь на него случайно. Сам не знаешь, что делаешь, и вдруг – вот оно. Ты не задаешься целью сделать революцию в определенном виде литературы. То, что ты делаешь, вырастает из твоей собственной жизни и ночных страхов. Ты оглядываешься вокруг и вдруг видишь, что создал что-то почти небывалое.

Проблема любого писателя в любом жанре заключается в том, что он действует в рамках, ограниченных тем, что было сделано до него и что вот прямо сейчас печатается в книгах и журналах.

Я вырос на классических страшных историях Диккенса, Лавкрафта, По, а позднее – Каттнера, Блоха и Кларка Эштона Смита. Я пытался писать рассказы под сильным влиянием этих авторов, и у меня выходили кривые четырехслойные «куличики». Тяжеловесные по стилю и языку, они не держались на плаву и камнем шли на дно. Я был слишком молод, чтобы понять, в чем проблема. Я слишком увлекся имитацией.

Я чуть было не столкнулся нос к носу со своим творческим «я» в выпускном классе школы, когда написал что-то вроде длинного воспоминания о глубоком овраге в моем родном городе и о том, как я боялся его по ночам. Но у меня не нашлось истории, подходящей к оврагу, так что отверстие истинного источника моих будущих творений отложилось еще на несколько лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

Марш протеста безработных под предводительством Якоба Кокси. 30 апреля 1894 г.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/rey-bredberi/dzen-v-iskusstve-napisaniya-knig>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)